

Все взгляды были прикованы к кассиру в супермаркете.

"Вы видели его?"

Лаода спросил первым с ошарашенным тоном.

Лаосан, Дин И и Му Цзяши обменялись взглядами, после чего их взоры остановились на Эгоисте, выражение лица которого затуманилось.

Все трое пришли к выводу, что, поскольку Дай Ву знал маленького мальчика, вопрос о том, что знал Эгоист, приобрел первостепенное значение.

Атмосфера, окружающая миссионеров, стала жуткой.

"Я видел это... большой Геге, - прошептал мальчик, - в тот день, когда папа убил маму... Я видел тебя".

Дай Ву в панике сказал: "Ай-ай-ай, сопляк, не надо распространять ложь".

"Что на самом деле произошло?" сурово спросил Му Цзяши, "что ты скрыл?".

"Ничего..."

"Ты видел эту семью в день убийства?"

Дай Ву почесал лицо и разочарованно протянул: "Да, я видел, хорошо... Я не осмелился никому рассказать. Меня это все равно не касалось, но кто знал, что этот сумасшедший убьет свою жену после возвращения домой...".

Лаосан подгонял его, нахмурившись, спрашивая: "Что же произошло на самом деле?".

Он испытывал необъяснимое чувство нехватки времени. Пропавший человек в черном ощущался как бомба замедленного действия.

У этого кошмара всегда было мало времени.

От погони за человеком в черном, до хождения туда-сюда между сценами, до минутного интервала между выкрикиванием цифр, до влияния разных машин на парковке на скорость на скоростном шоссе, до необходимости быстро добывать информацию у NPC в служебной зоне...

Все это сводилось к быстрым рефлексам и хорошим навыкам управления временем.

И вот, они уже давно не сталкивались с погоней от человека в черном.

Это уже четвертый запуск кошмара. Так не должно быть. Ситуация должна была развиваться дальше, а не просто бродить по городу, надеясь наткнуться на подсказки и информацию, чтобы выяснить правду.

Этого не должно быть.

Лаосан глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

Когда они втроем вошли в кошмар, у них, конечно, были фантазии о том, что, возможно, они достигнут истинного конца в первом запуске, или получают редкие карты на этапе вознаграждения... Они могли мечтать, знаете ли.

Однако реальность еще более удручающая, чем обычно - они каким-то образом добрались до четвертого запуска кошмара, оставаясь в темноте, хаосе и споре.

Даже сейчас они все еще настороженно относились друг к другу, что-то скрывали. Никто до сих пор не знал, какова на самом деле трудность.

Лаосан оглянулся на кассира, который вспоминал и пересказывал,

"Тогда... Я работал, знаете ли. Это был обычный день.

Потом эта семья - я думаю, в поездке для удовольствия - жена... та, которую убили, завела светскую беседу, когда расплачивалась, но потом ее муж пришел в ярость от этого. Он вступил в спор прямо там и тогда, со мной и женщиной. Он называл ее бесстыжей и распутной, понимаете.

Я был в шоке. Она просто рассказала о районе обслуживания и спросила, по какому маршруту ехать. Мы немного поговорили, потом я рассказал ей, как все было. Все было нормально... Но почему-то муж вел себя так, будто она изменила прямо у него на глазах.

Он сказал, какой я хитрый, что улыбаюсь ей. Пожалуйста, я кассир, я должен улыбаться каждому человеку, понятно? Я потерял дар речи. У ее мужа... тогда уже было странное отношение.

Похоже, у него была какая-то бредовая паранойя по поводу того, что его жена изменяет ему с какими-то другими мужчинами. Он продолжал смотреть на меня убийственным взглядом.

Позже, когда мужчина собирался первым сесть в машину, женщина сказала мне, что муж продолжает подозревать ее в измене, поэтому она решила, что они поедут в семейное путешествие. Но...

О, и, как потом рассказали мои коллеги, этот мужчина бушевал всю дорогу. Орал и вел себя как придурок возле заправки и парковки. Все остальные путешественники смотрели.

Кто-то подумал, что женщина не заслуживает всего этого, и хотел помочь, но муж отчитал его за то, что он какой-то сексуальный урод, который, должно быть, заглядывается на его жену. Потом он снова отругал ее за неверность... Просто, блин, дар речи потерял, понимаете.

В общем, через несколько дней после этого появилась новость о том, что жену убили. Я не думал об этом, пока не увидел в новостях фото убийцы и портрет убитой, тогда я... вспомнил, все это.

Вздых, но... я действительно не хочу иметь с этим ничего общего, понимаешь?! Что, черт возьми, мне было до этого?

Мы никому не были нужны. Я просто сканировал их товары, когда они ходили по магазинам, а кто-то умер из-за того, что я ей улыбнулся?! Типа, какого черта, чувак.

Так что... полиция тоже не пришла меня допрашивать, и я не хотел никому об этом рассказывать".

Объяснив это, Дай Ву вздохнул и горько улыбнулся маленькому мальчику, говоря немного жутковатым тоном: "Я не думал, что ты вспомнишь меня, или... что это будет день смерти твоей матери", затем он повернулся к остальным, чтобы спросить: "Вы понимаете мое положение, верно?".

Однако у миссионеров не было времени на его рассказ.

Из длинной стены текста им удалось соединить множество улики.

Отец мальчика постоянно подозревал свою жену в том, что она ему изменяет. Чтобы улучшить их отношения, жертва решила в тот день отправиться в семейную поездку вместе с мужем и сыном.

Однако, когда они отдыхали в зоне обслуживания и ходили по магазинам, из-за того, что жена завела светскую беседу с кассиром супермаркета, муж полностью уверился в том, что она ему изменила. Придя в тот день домой, он в гневе убил жену.

Кошмар мальчика, помимо темной спальни, которая символизировала смерть его матери, также включал парковку, скоростное шоссе, зону обслуживания и все остальное, возможно,

потому, что это дорога его матери...

Дорога в ад.

В книжном магазине Сюй Бэйцзин устало вздохнул.

Он знал или, по крайней мере, был в курсе некоторых сценариев, которые были поручены актерам.

То ли из разговоров, которые он подслушал, то ли из информации, которую миссионеры непреднамеренно распространяли, но он знал.

У него было примерное представление о кошмарах, но он не знал их в деталях.

До... этого момента.

Когда у него появилась потоковая система, это означало, что он сможет понять развитие всего кошмара как наблюдатель.

И, похоже, он сильно недооценил, сколько зла на самом деле скрывается под этими кошмарами.

Он хотел бы, чтобы эти кошмары были ненастоящими. Желал, чтобы сценарии были всего лишь сценариями, а не реальностью. Он искренне хотел, чтобы это было так.

И все же... как насчет актеров?

Для многих из этих актеров башня - и эти кошмары - являются их жизнью. Спектакли похожи на жизни, жизни похожи на спектакли.

В конце концов, они вживаются в свои роли NPC. Они начинают отождествлять себя с персонажем, которого им назначил сервер. Они фактически начинают... становиться тем персонажем в сценарии.

Как этот человек в черном. Возможно, он думал, что он действительно тот человек, который был охвачен ревностью и убил свою жену. Он - человек, одетый во все черное, который держит в руке большой мачете, чтобы преследовать всех в кошмаре своего сына, чтобы убить их всех.

Он стал убийцей-психопатом.

Это означало, что трагедия в сценарии больше не являлась искусственно созданной трагедией,

а оживала.

Актеры, которые, как Ву Шен, не желали на самом деле превращать шестилетнюю девочку в куклу, не желали соответствовать отведенной роли, не желали делать ничего, что противоречило бы элементарной человеческой порядочности и моральной этике, не желали забывать о том, что он всего лишь человек, попавший в ловушку игры, принадлежат к меньшинству.

Что касалось таких актеров, как Дай Ву, оптимистичных, бесстрашных, способных найти свой собственный смысл, несмотря ни на что, они составляют еще меньшее меньшинство.

Сюй Бэйцзин на протяжении многих лет был холодным, безэмоциональным, похожим на машину статистом. Ему уже невозможно быть таким, как зрители в потоке, которые сейчас сокрушались о трагической судьбе семьи мальчика, а также успокаивали себя тем, что это всего лишь декорации игры.

Он не способен на это.

Все, что он мог сделать, это открыть глаза с усталым лицом, испортив свои красивые черты тяжелыми бровями, всегда выглядящим полусонным, или так, как будто он не спал уже, ну, целую вечность.

Он всегда в тумане. Его разум затуманен до крайней степени, кажется, что он заснет, если он будет использовать свой мозг хоть немного интенсивнее.

И все же, он также четко знал, что с людьми в башне - все кончено.

Для них все кончено. Актеры, миссионеры, все люди, запертые в башне. Все закончится, для всех них.

Сюй Бэйцзин сидел молча.

Он думал о том, что, возможно, это напитки, которые дал ему Линь Цинь, оживили его мысли. Теперь он задумался над вопросами, над которыми никогда не хотел задумываться.

...Да, он никогда не должен ссориться с Линь Цинем.

Сюй Бэйцзин решил отбросить эти мысли, как он всегда делал.

Он расслабился и зевнул. Поскольку Линь Цинь сидел недалеко, он старательно пытался сделать этот зев как можно более элегантно.

<http://bllate.org/book/16079/1438226>